

DOI: 10.22363/2312-8127-2017-9-1-67-77

**МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА
МОСКВЫ XVIII–XIX ВВ.
В КОНТЕКСТЕ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ
РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ**

Ф.А. Асадуллин

Институт Востоковедения РАН
ул. Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

Автор статьи рассматривает один из этапов непрерывной жизни мусульманской общины Москвы, когда в XVIII в., благодаря либеральному курсу Екатерины II, мусульмане города обретают определенную свободу в своем историческом месте обитания – Татарской слободе в Замоскворечье. Автор исследования уточняет даты основания мечети, границы Татарской слободы, роль татарского купечества, социальный состав мусульманской общины в XVIII–XIX вв.

В статье отмечается всплеск интереса в России к миру ислама с 70-х гг. XVIII столетия после подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора между Россией и Турцией.

Ключевые слова: мусульманская община Москвы, мусульманская литература, либерализация религиозной политики, татарская община, мечеть в Москве

Введение. Восшествие на российский престол Екатерины II (1762–1796), которая, как и ее муж Петр III (1761–1762), была далека от идеалов православного царства и придерживалась идеологии просвещенного абсолютизма, коренным образом изменило положение мусульман Российской империи. Ислам, являвшийся до того гонимой религией, 17 июня 1773 г. согласно указу Екатерины II «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам» [1], получает официальное признание. Отныне открывались возможности постепенного возрождения сословия служителей мусульманского культа и полной легализации мусульманских общин по всей России, включая Москву.

Присоединение Крымского ханства к России в 1783 г. еще более усилило эти тенденции: многие татарские мурзы (хотя далеко не все, кто к этому

стремился) получили одинаковые права с русским дворянством и стали именоваться «князьями». Одновременно при прямой поддержке государства начался процесс превращения зажиточных татар, исторически имевших тесные коммерческие связи с Крымом и Средней Азией, в торгово-промышленный слой.

Исследование проблемы. Новые веяния в общественной жизни затронули и жизнь крупных городов империи, прежде всего ее двух столиц. Выражением либерального духа екатерининской эпохи могла служить известная немецкая поговорка «*Stadtluft macht frei*» – «Городской воздух делает свободным». В Москве под воздействием этого «воздуха свободы» начинает разворачиваться предпринимательская активность мелких и средних татар-торговцев, вошедших в сословие купцов третьей гильдии, что, однако, натолкнулось на противодействие со стороны русского купечества, увидевших в них прямых конкурентов [2. С. 22].

Значительный интерес к миру ислама вызвали проходившие в Москве торжества по случаю подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора между Россией и Турцией в июне 1775 г., которые вылились в десятидневные народные гуляния и парадный прием в Кремле, где турецкий посол Абдул Керим вручил Екатерине II вместе с подарками от турецкого султана грамоту о вечном мире. В переписке Екатерины II сохранились сказанные летом 1775 г. такие слова: «Мне кажется, что дружба и согласие, которые установились между возлюбленным моим братом Абдул-Гамидом (турецкий султан. – Ф.А.) и мною, заставляют многих худеть» [3. С. 59]. Екатерина II имела в виду крупнейшие европейские державы, которые внимательно следили за развитием российско-турецких отношений. Возможно, в этой связи с 1777 г. в Московском университете, правда, на непродолжительное время, было введено преподавание турецкого языка, а также были предприняты попытки на базе богословского факультета университета создать школу отечественного востоковедения.

Заметным явлением светской жизни Москвы в 70-е гг. стала постановка на московской сцене пьесы Вольтера «Магомет», где в форме антирелигиозного памфлета поднята проблема духовного долга, который в определенных обстоятельствах может перерождаться в вид духовного обмана и даже порабощения.

Находясь под влиянием художественных канонов эпохи Просвещения и подчиняясь антиисламским стереотипам, укоренившимся в европейском общественном сознании, Вольтер и его русский интерпретатор П.С. Потемкин показывали неприглядный образ Магомета, который по прихоти автора предстает в образе тирана. Характеризуя образцы русской словесности XVI–XVIII столетий, С.А. Кириллина отмечает, какими «религиозно и идеологически ангажированными, вздорными и искаженными были представления об исламе, бытовавшие в российском обществе рассматриваемого периода».

Из книги в книгу «кочевали более чем нелестные сведения о „магометанстве” как плоде „буесловия” бесноватого аравитянина-лжепророка и о мусульманах как жертвах дьявольских козней, созданных Богом для того лишь, чтобы заполнить ими преисподнюю» [4. С. 414–415].

Пробудившийся интерес к восточной тематике у столичной публики удовлетворялся многочисленными «анекдотами азиатскими» и «баснями восточными», которые публиковались в столичных журналах «Москвитянин», «Русская старина», «Русский вестник», «Телескоп», «Зеркало света», «Отечественные записки» и др. На страницах этих и других журналов можно было встретить как художественные мистификации под арабскую старину: аллегории, сказки и повести, которые нередко назывались «переводом с арабского», так и вполне жизненные истории о помещичьем быте, в котором, например, были узаконены крепостные гаремы. Журнал «Русская старина» за 1883 г. опубликовал мемуары помещика Я.М. Неверова о судьбе крепостных девушек, которые в полной изоляции от внешнего мира содержались в гареме их семидесятилетнего владельца. В анекдотической истории 1812 г. рассказывалось, как во время знаменитой встречи в Москве Александра I с дворянами и купцами помещик, обращаясь к императору, в патриотическом порыве воскликнул: «Государь, всех, всех бери, и Наташку, и Машку, и Парашку!» [5. С. 105–106]. В русской литературе конца XVIII в. стараниями А.П. Беницкого (1780–1809) получили распространение оригинальные «восточные повести», ставшие одним из любимых жанров отечественной словесности. Более крупными памятниками арабской литературы, с которыми в XVIII в. «можно было познакомиться целиком в сравнительно близкой передаче», были Коран и «1001 ночь» [6. С. 54]. В 1790 г. появился перевод Корана, выполненный М.И. Веревкиным, видным литератором екатерининской эпохи, который стал источником для создания А.С. Пушкиным его «Подражаний Корану» (1824). Что касается «1001 ночи», то ее первое издание вышло в Москве в 12 частях в 1763–1771 гг., а затем было переиздано еще четыре раза – в 1776–1784, 1789, 1796, 1803 гг. О популярности сюжетов, связанных с исламом, – своего рода «исламофильской» тенденцией в русской литературе последней четверти XVIII в. – свидетельствует и то, что популярная книга «Магомет с Алкораном», выпущенная известным переводчиком и издателем Петром Богдановичем, за короткий срок выдержала три издания – в 1774, 1786 и 1792 г.

Большой популярностью пользовались обращенные к массовой аудитории лубочные романы «Повести о приключениях милорда Георга и о бранденбургской маркиграфине Фридерике-Луизе, с присовокуплением истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезы» (1782) и «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга» (1840). Эта литература, рассчитанная на невзыска-

тельного читателя и многократно переиздававшаяся, сделалась «одним из любимейших чтений в лакейских и вообще в простонародии» [7. С. 93–94].

В самой мусульманской литературе, развивавшейся в рамках средневековых канонов художественной словесности, росло осознание единства и тесной исторической связи с Россией, которую оказавшиеся на чужбине мусульманские путешественники и паломники называли своей единственной родиной, а себя – «гражданами большой и сильной империи». Известный татарский просветитель и богослов Абульманих Каргалы (1782–1833), после совершения хаджа оказавшийся в составе посольства бухарского эмира в Константинополе, в своем стихотворении «Саяхатнаме» (1817) с гордостью сообщает о себе как о гражданине «Московского государства», которое ни в чем не уступает и даже превосходит все увиденные им края и земли [8. С. 87].

Для самих московских мусульман либерализация религиозной политики привела к активизации духовной жизни вокруг единственной деревянной мечети, которая располагалась в Татарской слободе во дворе переводчика Коллегии иностранных дел князя Сулмамбет-мурзы Сименя и просуществовала там вплоть до начала XIX в. С 1782 и по 1840 г. ее имамом был мулла Абдулла Узбеков. Одновременно наблюдается и увеличение численности и этнического разнообразия мусульманского населения столицы, что было вызвано другим екатерининским манифестом – «О высочайших дарованиях разным сословиям милостях по случаю заключения мира с турками» (1791). За ним последовали оживление татарского торгового капитала и миграции из Поволжья, Урала, Крыма, а также активизировалась торгово-предпринимательская деятельность на Кавказе и Средней Азии. К.Н. Батюшков (1787–1855) в своих «Прогулках по Москве», поражаясь этническому разнообразию города, сравнивал его с восточным базаром, где можно увидеть «грека, татарина, турка в чалме и туфлях, и важного персиянина» [9. С. 13].

Предоставление бухарским купцам согласно императорскому указу 1807 г. льгот на торговлю на Макарьевской, Ирбитской и Коренной (Курской) ярмарках связало их коммерческими связями с Москвой и в определенной степени способствовало их более активному влиянию на жизнь мусульманской общины [10. С. 315]. Через торговые маршруты, проложенные бухарскими купцами, из Индии в Россию доставлялись вошедшие в Европе в моду после Египетской экспедиции Наполеона кашмирские (кашемировые) шали, доступные из-за высокой стоимости лишь очень состоятельным людям. По свидетельству А.С. Пушкина, кашемировая шаль как предмет роскоши в дворянской среде считалась дорогим свадебным подарком [11. С. 406].

На рубеже XVIII–XIX вв. Москва, по свидетельствам иностранцев, представлялась как «какой-то ленивый, изнеженный, великолепный азиатский город» [3. С. 190], где всегда незримо присутствовавшие отголоски золотоордынских времен соседствовали с новыми, привнесенными из жизни

восточных народов, бытовыми и культурными реалиями. Джакомо Казанова (1725–1798) в своей «Истории жизни» несколько страниц посвятил Москве, называя не иначе как «дочь Азии, весьма удивленная, что находится в Европе» [12. С. 83]. А французскому писателю Стендалю (1783–1842), оказавшемуся в России вместе с армией Наполеона, Москва «виделась чем-то экзотическим, явно восточным, по крайней мере, не очень похожим на европейские города» [13. С. 57]. Впрочем, не одному ему. О «минаретах варварской Москвы» есть упоминание в поэме «Бронзовый век» (1823) английского поэта-романтика Дж. Байрона (1788–1824), который в Москве никогда не был. «*Cette ville asiatique aux innombrables eglises, Moscou La Sainte!*» – «Этот азиатский город с бесчисленными церквями, Святая Москва!» – восклицает Наполеон в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» [14. С. 336].

В.Г. Белинскому Москва представлялась «восточным городом, о котором читал в Шехерезаде», где маковки церквей ему напоминают минареты [15. С. 38]. Автор «Евгения Онегина» в своем знаменитом произведении (названном критиками «энциклопедией русской жизни») сумел блестяще запечатлеть эти незаметные на первый взгляд «азиатские» приметы московской жизни начала XIX в.: кабинет главного героя украшает «янтарь на трубках Цареграда» – курение кальянов и трубок в то время входило в моду у великосветской молодежи, у его стола стоит мягкое низкое ложе для приема близких друзей – турецкий диван (оттоманка) с многочисленными подушками. В седьмой главе его сани несутся по главной улице Москвы, и в калейдоскопе мелькающих городских картин – церквей, лавок, дворцов и т.д. его взгляд улавливает одетых в пестрые халаты бухарцев:

Вот уж по Тверской Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах [16. С. 37].

Сам поэт, исследуя генеалогические корни рода Пушкиных, упоминает родственные татарские фамилии Мусиных и Шерефетдиновых [17. С. 418]. Анализируя ход российской истории в преломлении к действительности середины XIX в., великий русский мыслитель Александр Герцен (1812–1870), подписывавший свои работы под псевдонимом Искандер, приходит к такому выводу: «На взгляд Европы, Россия была страной азиатской, на взгляд

Азии – страной европейской; эта двойственность вполне соответствовала ее характеру и ее судьбе, которая, помимо всего прочего, заключается и в том, чтобы стать великим караван-сараями цивилизации между Европой и Азией» [18].

Современник Герцена, известный русский историк и публицист Петр Долгоруков (1816–1868), находясь в эмиграции, предлагал взглянуть на Россию таким образом: «Что такое Россия, в отношении политическом и административном? Огромное здание, с европейским фасадом, с европейским фронтом, где внутри распоряжаются и управляют по-азиатски. Наибольшая часть русских чиновников, переодетые в костюмы более и менее европейские, действуют на службе совершенно по-татарски» [19. С. 726].

Эпоха правления Александра I (1801–1825) для московской общины мусульман (джамаата) прошла под знаком решения главного вопроса – получения разрешения на строительство каменной мечети и затем ее возведения на участке купца первой гильдии «из бухарцев» Назарбая Хашалова (Хамалова) в Пятницкой части (ныне Большой Татарской улице) Замоскворечья. Несмотря на свою малочисленность (в 275-тысячной Москве проживало около 300 мусульман) и сохранявшийся низкий социальный статус ее рядовых членов (типично «татарскими профессиями» считались дворник, кучер, дворový человек), татарская община и ее духовное руководство во главе с муллой Абдуллой Узбековым сумели убедить Председателя Оренбургского магометанского духовного собрания муфтия Мухаммеджана Хусаинова о необходимости строительства каменного мусульманского храма для правоверных Москвы и Московской губернии.

Согласно российскому законодательству главным условием разрешения на постройку мечети являлись: наличие в поселении не менее 200 ревизских душ мужского пола; заявление общины посредством составления общественного приговора о желании построить храм и согласие на это приходского духовенства; обязательство прихожан содержать за свой счет храм и причт; возможность возведения мечети только в случае отсутствия соблазна для живущих вместе с мусульманами новокрещенных и русских; получение светским начальством по поводу ходатайства «заключения» от духовной власти; выявление местной администрацией насущной необходимости в храме и достаточности средств у прихожан для его «приличного содержания» [20. С. 261–265].

Известно, что в августе 1801 г. оренбургский муфтий прибыл в Москву и, видимо, на месте изучал суть просьбы московских единоверцев. Через четыре года, в октябре 1805 г., когда вопрос был проработан и готов к представлению, муфтий обратился к московскому генерал-губернатору А.А. Беклешову (1745–1808), который к тому же был членом Государственного Совета, с ходатайством по вопросу возведения «постоянной каменной мечети». Обращение муфтия было встречено с должным вниманием, и генерал-губернатор прика-

зал обер-полицмейстеру Балашову собрать все сведения о жителях Москвы, исповедующих ислам, и подготовить свои предложения. Через месяц глава московской полиции в своем подробном рапорте отмечал: «в урочище... Татарская слобода находится 12 домов, принадлежащих людям магометанского вероисповедания. В них жителей мужеска – 57, женска – 45, временно останавливающихся, приезжающих по торгам и проезжающих чрез сию столицу по примерному исчислению бывает в год от 250-ти до 300 человек». Кроме того, отмечалось, что «...заведение здесь, подобно как и в Санкт-Петербурге магометанского молитвенного дома в жителях города сего неприятного влияния последовать не предвидеться, кои уже преобывают вникать в правила терпимости всех исповеданий» [21].

Рапорт и содержащиеся в нем предложения Балашова давали надежду, что на ходатайство муфтия последует положительная резолюция московских властей. Однако, прослышав о возможном строительстве иноверного храма, митрополит Московский Платон (1737–1812) выступил против возведения мечети в Москве, указав на возможные «неудовольствия и соблазн» для остальных жителей города.

Непримиримая позиция официальной церкви в конечном итоге и решила судьбу этого ходатайства. К тому же А.А. Беклешов к этому моменту был уже в отставке. Новый московский губернатор Т.И. Тутолмин (1740–1809) отстоять идею своего предшественника не смог или не захотел. Возможно, проблема отсрочки состояла и в неотрегулированности в целом системы духовного управления мусульманскими приходами из Оренбурга, где располагалось Магометанское духовное собрание во главе с муфтием. Только в 1857 г., когда устав Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) вошел в «Свод законов Российской империи», легитимность предпринятых Екатериной II реформ в отношении мусульман империи приобретает законченную правовую основу [22. С. 26–33].

Вторая попытка была предпринята только через 11 лет, когда Россия (и вместе с ней Москва) пережила наполеоновское нашествие, в отражении которого приняли участие и мусульманские народы страны, победоносную войну с Ираном за Кавказ и Закавказье (1804–1813), сделав значительные территориальные приобретения – Карабахское и Ширванское ханства, новую антитурецкую кампанию (1806–1812). В Москве в это время полным ходом шли восстановительные работы после опустошительного пожара 1812 г., заново отстраивалась старая часть города. В августе 1816 г. группа московских купцов-мусульман обратилась с просьбой генерал-губернатору А.П. Тормасову (1752–1819), одному из героев Отечественной войны 1812 г., вновь вернуться к вопросу о строительстве мечети в Татарской слободе. Последовало новое распоряжение генерал-губернатора о проведении опроса жителей Татарской слободы на предмет обоснованности их требования: существовали ли здесь мечеть ранее и если существовала, то когда была уничтожена.

Как и ожидалось, опрос выявил, что в Татарской слободе в Пятницкой части во дворе владения переводчика Иностранной коллегии, князя Сулманета Мурзы Сименя, находилась мечеть, а богослужения в ней с 1782 г. совершал мулла Абдулла Узбеков. Но из-за постигшего в конце XVIII в. Москву «мора» – эпидемии чумы – большинство прихожан мечети и сам князь Сименей умерли, а его наследник продал дом, во дворе которого располагалась мечеть, купцу Щукину. Вскоре здание мечети, придя в ветхое состояние, было снесено, и после этого богослужения уже проводились в частных домах купцов Макая Абдулова или Абдуллы Исакова.

Через год московская татарская община получила официальное разрешение на покупку или постройку дома для молитвенных собраний: по предписанию Торماسова молитвенный дом не должен был иметь «признака татарской мечети никакой, и имел бы вид обыкновенного дома наравне с прочими обывательскими» [23. С. 4]. Пока шло строительство «общественного молитвенного дома», в ноябре 1818 г. был утвержден «мулла и хатып» Сейфулла Мулюк Асханов, а в 1819 г. в новом деревянном здании под № 294 на Большой Татарской улице начались богослужения.

Прежде чем четвертый по счету московский генерал-губернатор князь Д.В. Голицын (1771–1844), вовлеченный в решение затянувшегося вопроса, дал окончательное разрешение на возведение каменной мечети, прошло еще несколько лет бюрократической переписки и согласований. В 1823 г. формальное разрешение, наконец, было получено. На участке купца Назарбая Хашалова был возведен каменный одноэтажный корпус со стилизованным минаретом над входной дверью, с виду похожий на обыкновенный городской дом. Сохранилась любопытная резолюция московского генерал-губернатора, отражающая отношение к исламу «отцов города»: «...Чтобы крику, каковой обыкновенно татарское общество дельвали с возвышенных мест для созыва к своим обрядам, отнюдь впредь производимо не было, и чтобы дом, в коем купец Хамалов (так в документе. – *Ф.А.*) может по обряду своему отправлять богослужение, отнюдь строим не был в виде мечети и не назывался бы мечетью» [23. С. 6]. Простое, на первый взгляд решение, как мы видим, давалось с большим трудом, через преодоление сопротивления церкви и укоренившиеся предрассудки городских чиновников.

В истории этой мечети есть много памятных страниц. Одна из них связана с посещением в июне 1868 г. имама Шамиля (1799–1871), который вместе с сыном Кази-Магомедом совершил в ней намаз. Установлено, что после завершения Кавказской войны он в качестве почетного пленника 7 раз бывал в Москве, присутствуя на важных государственных церемониях, приуроченных к приему зарубежных гостей либо именинам членов императорской семьи [24].

Заключение. Сословный состав мусульман Москвы 1855 г. показывает, что из 301 члена магометанской общины (включая лиц мужского и женско-

го пола) дворян потомственных и личных было 5 человек, духовенства – 12, купцов, мещан, цеховых (мастеровых) – 122, ямщиков и государственных крестьян – 87, удельных крестьян – 73, дворовых и прочих – 8, отставных солдат – 3, служанок – 15, кантонистов – 6 [25].

России, а вместе с ней Москве, предстояло пережить еще две непохожие эпохи правления Николая I (1825–1855) и Александра II (1855–1881), а московским мусульманам на протяжении нескольких десятилетий внимать фетвам оренбургских муфтиев Габдессаляма Габдрахимова (1825–1840), Габдулвахиды Сулейманова (1840–1862) и Селимгарея Тевкелева (1865–1885), правнука первого генерала-мусульманина Кутл-Мухаммада Тевкелева, а также слушать пятничные хутбы Рафика Агеева (?–1873), имама и ахуна мусульман столицы, прежде чем дом с небольшим минаретом на входной двери в Замоскворечье приобрел законченный вид мусульманского культового сооружения. Это произошло в 1880 г.

© Асадуллин Ф.А., 2017

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1-е. Т. XIX. № 13996.
- [2] Розенберг Л.И. Татары в Москве // Этнические группы в городах европейской части СССР. М., 1987.
- [3] Пыляев М. Старая Москва. М., 2001.
- [4] Кириллина С.А. Очарованные странники: арабо-мусульманский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М., 2010.
- [5] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2002.
- [6] Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.–Л., 1950.
- [7] Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.
- [8] Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрко-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М., 2010.
- [9] Батюшков К.Н. Прогулки по Москве / Очерки московской жизни. М., 1962.
- [10] Аполова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в начале XVIII–XIX в. М., 1960.
- [11] Пушкин А.С. Участь моя решена. Я женюсь. (с французского) // Полное собрание сочинений. Т. VIII. Ч. I. М.–Л., 1948.
- [12] Москва глазами иностранцев. М., 2009.
- [13] Михайлов А.Д. Стендаль и Москва // Москва в русской и мировой литературе. М., 2000.
- [14] Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 тт. М., 1980. Т. 6.
- [15] Белинский В.Г. Журнал моей поездки в Москву и пребывание в оной // Очерки московской жизни. М., 1962.

- [16] Пушкин А.С. Евгений Онегин. 1981.
- [17] Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1986.
- [18] Цит. по: Ваганов А. Чем может обернуться очередная попытка прорубить окно в Европу // НГ-Наука. 28 марта 2012 г.
- [19] Эйдельман Н.Я. Грань веков: секретная династия. М., 2008.
- [20] Устав строительный // Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. 1. Ст. 261–265.
- [21] Кустова М. Полумесяц над Москвой // «ЛГ-Досье». 1991. № 7.
- [22] Загидуллин И.К. Проект «Устава управления духовными делами магометан» оренбургского муфтия Селимгереева Тевкелева 1867 г. как правовая основа для реформирования организации религиозно-обрядовой жизни мусульман // Современный ислам. 2011. № 3 (7).
- [23] Кустова М. Краткая историческая записка. [б. г.], [б. м.].
- [24] Чигарова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. СПб., 1889.
- [25] Центральный муниципальный архив Москвы (ЦММА). Ф. 199. Оп. 1. Д. 29. «О народонаселении Москвы Магометанского исповедания декабрь 1897». Л. 1.

REFERENCES

- [1] Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZ). Sobr. 1-e. T. XIX. № 13996.
- [2] Rozenberg L.I. Tatory v Moskve // Jetnicheskie grupy v gorodah evropejskoj chasti SSSR. M., 1987.
- [3] Pyljaev M. Staraja Moskva. M., 2001.
- [4] Kirillina SA. Ocharovannye stranniki: arabo-musul'manskij mir glazami rossijskih palomnikov XVI–XVIII stoletij. M., 2010.
- [5] Lotman Ju.M. Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII – nachalo XIX veka). SPb., 2002.
- [6] Krachkovskij I.Ju. Oчерки по istorii russkoj arabistiki. M.–L., 1950.
- [7] Zhirkov G.V. Istorija cenzury v Rossii XIX–XX vv. M., 2001.
- [8] Sibgatullina A.T. Kontakty tjurko-musul'man Rossijskoj i Osmanskoj imperij na rubezhe XIX–XX vv. M., 2010.
- [9] Batjushkov K.N. Progulki po Moskve / Oчерки moskovskoj zhizni. M., 1962.
- [10] Apolova N.G. Jekonomicheskie i politicheskie svjazi Kazahstana s Rossiej v nachale XVIII–XIX v. M., 1960.
- [11] Pushkin A.S. Uchast' moja reshena. Ja zhenjus' (s francuzskogo) // Polnoe sobranie sochinenij. T. VIII. Ch. I. M.–L., 1948.
- [12] Moskva glazami inozemcev. M., 2009.
- [13] Mihajlov A.D. Stendal' i Moskva // Moskva v russkoj i mirovoj literature. M., 2000.
- [14] Tolstoj L.N. Sobr.soch. v 22 tt. M., 1980. T. 6.
- [15] Belinskij V.G. Zhurnal moej poezdki v Moskvu i prebyvanie v onoj // Oчерки moskovskoj zhizni. M., 1962.
- [16] Pushkin A.S. Evgenij Onegin. 1981.
- [17] Pushkin A.S. Sобрание sochinenij. T. 3. M., 1986.
- [18] Cit. по: Vaganov A. Chem mozhet obrnut'sja oчерednaja popytka prorubit' okno v Evropu // NG-Nauka. 28 marta 2012 g.

- [19] Jejdel'man N.Ja. Gran' vekov: sekretnaja dinastija. M., 2008.
- [20] Ustav stroitel'nyj // Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. XII. Ch. 1. St. 261–265.
- [21] Kustova M. Polumesjac nad Moskvoy // «LG-Dos'e». 1991. № 7.
- [22] Zagidullin I.K. Proekt «Ustava upravljenija duhovnymi delami magometan» orenburgskogo muftija Selimgereja Tevkeleva 1867 g. kak pravovaja osnova dlja reformirovanija organizacii religiozno-obrjadovoj zhizni musul'man // Sovremennyj islam. 2011. № 3 (7).
- [23] Kustova M. Kratkaja istoričeskaja zapiska. [b. g.], [b. m.].
- [24] Chigarova M.N. Šamil' na Kavkaze i v Rossii. Biografičeskij očerok. SPb., 1889.
- [25] Central'nyj municipal'nyj arhiv Moskvy (СМAM). F. 199. Op. 1. D. 29. «O narodonasele-nii Moskvy Magometanskogo ispovedanija dekabr' 1897». L. 1

THE MUSLIM COMMUNITY IN MOSCOW XVIII-XIX CENTURIES IN THE CONTEXT OF LIBERALIZATION OF RELIGIOUS POLICY

F. Assadulin

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Rozhdestvenka St., 12, Moscow, Russia, 107031

The author considers one of the stages in the continuous life of the Muslim community of Moscow, when in the XVIII century, thanks to the liberal policy of Catherine II, the city's Muslims find a certain freedom in its historical habitat of the Tatar settlement in Zamoskvorechye. The author says the date of establishment of the mosque, the boundaries of the Tatar Sloboda, the role of Tatar merchants, the social composition of the Muslim community in the XVIII – XIX centuries.

The article notes a surge of interest in Russia to the world of Islam since the 70s of XVIII century after the signing of the Treaty of küçük Kaynarca between Russia and Turkey

Key words: Muslim community of Moscow, Muslim literature, the liberalization of religious policy, Tartar community